

И. У. БУДОВНИЦ

Идейная основа ранних народных сказаний о татарском иге

На протяжении всего времени татарского ига русский народ поднимал непрерывные восстания против своих поработителей и угнетателей. Если не считать новгородских волнений 1259 г., связанных с переписью, то цепь таких восстаний открывается прокатившимися в 1262 г. по городам северо-восточной Руси народными выступлениями против мусульманских откупщиков татарской дани. По описанию ростовского летописца, явно сочувствующего восстанию, волнения носили стихийный характер, будучи вызваны насилиями и злоупотреблениями сборщиков дани. «Избави бог, — отмечает летописец под 1262 г., — от лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердце крестьяном; не терпяще насилья поганых, изволиша вещь и выгнаша из городов, из Ростова, из Володимеря, из Суждаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людем творяхуть, работающе резы и многы души крестьянския раздно (розно, — И. Б.) ведоша».¹ «Бесурмены» были изгнаны, иные убиты. Летописец изображает этот акт как дело, угодное богу, который вял молитве богородицы и пришел на помощь русским людям: «Видевше же человеколюбець бог, послуша моленья матерня, избави люди своя от великыя беды».²

Устюжский летописец сообщает, что волнения против откупщиков в 1262 г. происходили не только в Ростове, Суздале, Владимире и Ярославле, но и «по всем градом русским», причем в Устюг пришла грамота от великого князя Александра Невского, «что татар бити».³ Н. Серебрянский, исследовавший древнерусские княжеские жития, и в том числе жития Александра Невского, полагает, что эти слова отражают не столько реальный факт, сколько отношение народа к популярному князю. «Народ, — пишет Н. Серебрянский, — по-видимому, наивно веривший в возможность свержения татарского ига, находил вполне естественным, что любимый князь „ярость мужества“ своего проявит теперь на татарах; он вызывает Александра на бой с погаными поработителями».⁴ Напротив, А. Н. Насонов считает причастность Александра Невского к событиям вполне правдоподобной, поскольку он мог быть в курсе смут, разыгравшихся в Монголии вокруг императорского трона и положивших начало отделению Золотой Орды от империи. Момент для восстания мог показаться Александру вполне благоприятным, тем более что откупщики были присланы не из Золотой Орды, в непосредственном подчинении которой находилась Русская земля, а от императора.⁵

¹ ПСРЛ, т. I, в. 2, л., 1927, столб. 476.

² Там же.

³ Устюжский летописный свод. Под ред. К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 47, 48.

⁴ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 207.

⁵ А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М., 1940, стр. 50—53.

При всем остроумии доводов А. Н. Насонова приходится, однако, констатировать, что кроме приведенного глухого указания устюжского летописца в памятниках не сохранилось решительно никаких данных, которые подтвердили бы причастность Александра Невского к народным волнениям 1262 г. Что же касается позднейших народных восстаний против татарских насильников, то они происходили без всякого участия и содействия со стороны князей и бояр, а подчас при их прямом противодействии. «В то время, — пишет Б. Д. Греков, — когда народная масса выражала свой протест против нового гнета, пришедшего к ней вместе с татарской властью, боярство и князья помогали татарам, не без основания надеясь сохранить и упрочить таким путем свое привилегированное положение».⁶

Что касается широких народных масс, то отношение их к татарской власти получило достаточно яркое выражение в былинном эпосе. Как известно, центральной фигурой этого эпоса является русский богатырь, прямой, честный, неподкупный герой, зорко стоящий на страже родной земли, охраняющий ее от набегов злых недругов, готовый в любую минуту умереть за родину, чуждый всякого пресмыкательства перед чужеземными насильниками, далекий от всякого компромисса с ними. Особенно много трудов приходится тратить былинным героям на борьбу с вторжениями кочевников. «Борьба со степным кочевником, — пишет В. О. Ключевский, — половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII века, — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии».⁷ «Об отношении народа к татарскому игу, — добавляет Б. Д. Греков, — можно сказать сильнее, чем сказал Ключевский. Все „степные кочевники“ ступевались здесь и уступили одному образу — татарского хана и его подручных. Татарская власть запечатлелась в памяти народной настолько глубоко, что в наших былинах вместо тех или иных врагов, с какими приходилось сталкиваться русскому народу на протяжении многих веков его истории, везде называются одни „татаровья“, олицетворением которых является царь Калин, нередко выступающий под именем Батыя Батыевича, иначе Бутыги».⁸

В этой связи хочется остановиться на одной былине о Батые, где описывается приход грозного татарского хана к Киеву. Вопреки исторической достоверности, осада Батыем Киева приурочена ко времени Владимира Святославовича. Впрочем, в этом смещении эпохи есть свой смысл, ибо в представлении народа только тогда, когда Русская земля была едина, она могла давать отпор самым опасным врагам. Под Киев Батый пришел с сыном Батыем Батыевичем, с зятем Тараканником Каранниковым «и с думным дьяком вором-выдумщиком». У каждого из них было по 40 тысяч человек рати. Батый потребовал от князя Владимира супротивника-поединщика, но у Владимира все знаменитые богатыри — Илья, Самсон, Святогор, Добрыня, Алеша — оказались в разъезде. В Киеве остался один только добрый молодец Василий Игнатьевич, горький пьяница, не выходящий из кабака, промотавший все свое имение и приданое жены. Услышав о требовании Батыя, он приходит к Владимиру и просит дать ему опохмелиться. Выпив чару в полтора ведра, Василий почувствовал, что может сидеть на коне и владеть саблей. Он выехал за городские ворота и, нацелившись, тремя стрелами убил сына Батыя, его зятя и «дьяка-выдум-

⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 227—228.

⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1918, стр. 73.

⁸ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда..., стр. 256—257.

щика». Батый пришел в страшную ярость и потребовал, чтобы ему выдали стрелка. Василий отправился в стан к Батыю и хитростью избил всех татар, после чего Батый поспешно вернулся в свою землю, дав себе зарок никогда больше не воевать Киева. По другому варианту былины, князь, узнав, что в татар стрелял Василий, готов его предать и говорит ему:

Ай же ты, голь кабацкая!
Не ты ли бил силу Батыгину?
Поезжай-ко ко Батыги со ответом сам."

Вс. Миллер считает, что былина сложилась уже в XVII в. среди голи кабацкой и, кроме поэтического плача богородицы на киевской стене, она не содержит больше ни одной «крупницы старины». Конечно, такое выражение, как «дьяк-выдумщик», могло появиться в былине спустя долгое время после свержения татарского ига; позднейшими наслоениями являются, вероятно, и некоторые другие детали. Но если взять основное содержание былины, то в ней очень верно и тонко представлена вся историческая правда о борьбе народа с татарами: в то время как верхи общества совершенно теряются перед опасностью, представитель самых, казалось бы, незначущих низов принимает на себя всю тяжесть неравной борьбы, а когда он выходит победителем, то князь не прочь за его счет договориться и столковаться с недругами.

Что касается письменной литературы, то непримиримое отношение народа к татарскому игу нашло выражение в двух памятниках: в Повести о Меркурии Смоленском и в Повести о разорении Рязани Батыем.

Повесть о Меркурии Смоленском¹⁰ содержит много скорбных мест, рисующих ужасы Батыева погрома, «великое пленение от оных злых варвар». Они разоряли города, разрушали монастыри и церкви, убивали мужчин и женщин, вырывали детей из рук матерей и предавали их мучительной смерти, насиловали жен и девиц и «мнози... тогда от православных сами резаху ся и смерти приимаху, дабы не осквернитися от поганых». Оставшихся в живых варвары связывали за волосы и гнали как скот.

Но на убийц и насильников нашелся мститель. В ту самую ночь, когда Батый, имея в своем стане какого-то богатыря с сыном, тайком подошел к Смоленску, богородица приказала пономарю своей церкви, чтобы он пошел во двор к благочестивому юноше Меркурию и велел ему прийти к ней с ратным оружием («во всем... в воинском подобии»). Пономарь быстро исполнил поручение и вернулся в церковь с Меркурием. Здесь богородица велела ему тотчас выступить против Батыя и его исполна. Богородица, однако, предупредила Меркурия, что освобождение города будет достигнуто ценою его жизни.

Меркурий явился в расположение татарской рати, отсек голову исполнину и потом всю ночь до зари бил мечом татар. После этого он отошел к тому

⁹ Вс. Миллер. Былина о Батые. — Очерки русской народной словесности, [т. I]. М., 1897, стр. 305—327.

¹⁰ Последний исследователь вопроса, Л. Т. Белецкий, делит изученные им 37 списков Повести о Меркурии Смоленском на две основные повести. Первая, в основе которой лежит народное сказание, представлена одним только списком рукописи Московской Синодальной библиотеки 1665 г. Вторая повесть, также основанная на народном сказании, но хуже его сохранившаяся, подразделяется на четыре редакции (Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. — СОРЯС, т. 99, № 8. Пгр., 1922, стр. 48—49; см. также рецензию Л. Т. Белецкого на статью П. П. Миндалева «Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос» (последняя напечатана в «Сборнике статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913, стр. 250—280); ЖМНП, 1914, декабрь, стр. 358—359). Встречающиеся ниже цитаты приводятся по первой редакции (рукопись Соловецкого монастыря: Л. Т. Белецкий. Литературная история... стр. 58—74).

месту, где должен был принять мученический венец. Когда наступил день, варвары, несмотря на свои огромные потери, из «несытства злого» двинулись к городу. Меркурий в это время, ободренный гласом свыше, исполнился «дерзновения», опять напал на татар, нанес им большое поражение и обратил в бегство. Тут к Меркурию подбежал сын убитого им богатыря и отсек ему голову. Татары, однако, не могли оправиться от ужаса, и Батый с остатками войска бежал «посрамлен». Меркурий же встал с земли, взял свою голову и так, неся ее в руках, пришел в Смоленск, где его встретил ликующий народ, с честью похоронивший мученика в церкви богородицы.

В литературе, посвященной Повести о Меркурии Смоленском, высказывается ряд противоположных взглядов на исторические основы Повести. По мнению С. П. Писарева, Меркурий — реально существовавшее лицо, предводитель смоленской рати, выступившей против Батыя в августе 1242 г. Смольняне напали на беспечно спавших татар, убили их богатыря, и его голову нес потом в город Меркурий. На утро татары, убедившись, что смольнян мало, пустились за ними в погоню и убили Меркурия. Однако города они взять не смогли, и Смоленск остался невредим.¹¹ Построение С. П. Писарева, однако, чрезвычайно натянуто и продиктовано желанием во что бы то ни стало доказать «достоверность» легенды во всех ее деталях.

Другой крайности придерживается Арсений Кадлубовский, отрицающий за Повестью о Меркурии Смоленском какой бы то ни было исторической основы. Исследуя древнерусские жития святых, А. Кадлубовский обратил внимание на сходство Повести о Меркурии Смоленском с рассказом о подвиге Меркурия Кесарийского в житии Василия Великого. Оба героя — и кесарийский и смоленский — носят одно имя, оба — воины, оба — мученики, оба погибли в молодых летах, каждый защищал свой город от безбожных врагов и насильников (Меркурий Смоленский — от татар, Меркурий Кесарийский — от Юлиана Отступника), оба шли на подвиг по чудесному призыву богородицы, ее участие в этом деле открывается сперва третьему лицу, в обоих случаях чудесные события совершаются ночью и в глубокой тайне и т. д. А. Кадлубовский приходит к выводу, что «за устранением всего заимствованного, у нас не остается ничего, что мы могли бы считать принадлежащим именно русскому святому, в чем могли бы видеть исторический элемент и историческую основу сказания. . . В результате мы можем считать Меркурия Смоленского скорее героем литературной легенды, чем историческим лицом, достоянием не истории, а истории литературы».¹²

Объяснив Повесть о Меркурии Смоленском сплошным «заимствованием», лишенным каких бы то ни было оригинальных черт, А. Кадлубовский вынужден оригинальные сцены Повести, возникшие на почве русской действительности, объяснить позднейшими вставками книжника.¹³

Иначе подходил к вопросу Ф. И. Буслаев, посвятивший Повести о Меркурии Смоленском одно из самых вдохновенных своих исследований.¹⁴ Прежде всего Ф. И. Буслаев устанавливает существование двух редакций Повести, причем более ранняя редакция сохранила много следов своего

¹¹ Филологические записки, 1882, в. V, стр. 45—52.

¹² Арс. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 74.

¹³ Там же, стр. 94—95.

¹⁴ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии и ростовская о Петре, царевиче Ордынском. — Исторические очерки русской народной словесности и искусства, ч. II. СПб., 1861, стр. 155—198.

народного происхождения.¹⁵ Далее Ф. И. Буслаев очень метко и тонко определяет смысл и дух Повести. «Вымышленные рассказы о Батые и поэтический состав повествования, — пишет Ф. И. Буслаев, — дают разуметь о том, что легенда составила по прошествии очень многих лет после погромов батыевых». И тем не менее «вся легенда как она есть, принадлежит эпохе татарской. Меркурий есть победоносный герой этой эпохи. Его оружие — знамение победы над нечестивыми басурманами. Если многие другие легенды наши составлены в духе потворства и сближения с татарами, то легенда смоленская, как бы предвещающая Мамаево побоище, проникнута фанатической враждою к неверным и геройским сознанием о возможности победы над ними».¹⁶

«Народная» редакция во многих деталях сильно отличается от книжной. Известно, что русская (да и не только русская) знать считала особой честью вести свое происхождение от иноземных родов. Желая придать больший вес Меркурию, автор книжной редакции приписывает ему происхождение из «Римской области», откуда он еще в юные годы прибыл в Смоленск, «горяй духом» к православной вере. В народном сказании о Меркурии «нет и следа о римском или немецком его происхождении».¹⁷ В том же народном сказании Меркурия убивает не сын татарского богатыря, мстивший за своего отца, а «светлый воин».¹⁸ «Символ победы над врагами, — пишет по этому поводу Ф. И. Буслаев, — по народной редакции легенды не должен был носить на себе никаких следов ослабления своего могущества, не должен был сделать никаких уступок вражеской силе».¹⁹

¹⁵ Как уже указывалось выше, Л. Т. Белецкий в результате изучения 37 списков Повести пришел к выводу о наличии не двух редакций, а двух литературных обработок (повестей) народного сказания о Меркурии Смоленском, из которых одна лучше сохранила основное народное сказание. Не совсем удачно находит терминологию Ф. И. Буслаева И. Некрасов (Зарождение национальной литературы в северной России, ч. I. Одесса, 1870, стр. 172) и вслед за ним П. П. Миндалев (Повесть о Меркурии Смоленском. . . , стр. 258), поскольку и так называемая народная редакция Повести о Меркурии Смоленском написана книжником. Тем не менее построение Ф. И. Буслаева по существу остается непоколебленным, ибо, как мы ни назовем обе группы списков — самостоятельной повестью или редакцией, из них явно выделяется один вид памятника, лучше сохранивший следы своего народного происхождения.

П. П. Миндалев в указанной статье сближает Повесть о Меркурии Смоленском с помещенным в Никоновской летописи под 1148 г. эпическим сказанием о переяславском богатыре Демьяне Куденевице и былинной о Сухмане Деметьевиче, но сопоставления П. П. Миндалева слишком искусственны и формальны.

¹⁶ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии. . . , стр. 196.

¹⁷ Там же, стр. 175. Любопытно, что в записанном в Смоленской области В. Н. Добровольским устным сказании о Меркурии Смоленском он выступает простым ремесленником-кожемякой, отличившимся в борьбе с Литвой (Смоленский этнографический сборник, ч. I. — Записки Русского географического общества по отделу этнографии, т. XX. СПб., 1891, стр. 379).

¹⁸ По списку Московской Синодальной библиотеки — «прекрасен воин» (Л. Т. Белецкий. Литературная история. . . , стр. 56).

¹⁹ Ф. И. Буслаев. Смоленская легенда о святом Меркурии. . . , стр. 197. Принимает версию Ф. И. Буслаева о двух редакциях Повести о Меркурии Смоленском и М. О. Скрипиль (см. его очерк «Повесть о Меркурии Смоленском» в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 357—361)). В то же время, отвергая «крайнее мнение» А. Кадлубовского, М. О. Скрипиль признает, что некоторые из указанных им «параллелей действительно могут быть объяснены только влиянием цикла сказаний о Меркурии Кесарийском на смоленскую легенду в момент ее образования» (там же, стр. 360). Это утверждение несколько расходится с высказанным в самом начале очерка мнением, что Повесть о Меркурии Смоленском первоначально возникла как устное народное сказание, ибо народное сказание, да еще устное, не могло основываться на литературном, мало известном в широких кругах сказании о Меркурии Кесарийском.

Есть еще одна сторона в Повести о Меркурии Смоленском, не отмеченная исследователями. А. Кадлубовский высказывает недоумение, почему Меркурий должен погибнуть, почему он, прославленный герой, исполнивший волю богородицы, не мог прожить свои дни в покое и благочестии, приняв, например, монашество?²⁰ Но в том-то и дело, что народ, одарив своего героя мужеством и бесстрашием, наградил его еще и готовностью к самопожертвованию. Трусливым князьям и боярам, готовым ради сохранения своей жизни и власти на любое унижение и раболепие перед «погаными», народ противопоставляет мученика за землю, беззаветно преданного общему делу витязя, который с радостью заведомо идет на гибель, лишь бы спасти родной город.

Еще в большей мере, чем в Повести о Меркурии Смоленском, неприимимое отношение народа к татарскому игу отразилось в знаменитой Повести о разорении Рязани Батыем.²¹ Все содержание Повести, от начала до конца, проникнуто оптимизмом, никаким гнетом не убитым, никакими ужасами не приглушенным чувством народного достоинства.

В Повести нетрудно обнаружить двоякого рода наслоения и позднейшие вставки: это мотивы религиозные и мотивы рыцарские. Перед тем как Юрий Ингоревич начал «совокупляти воинство свое», он предается «великому плачу», обращается с молитвами к богу, произносит псалмы, словом, проделывает весь ритуал, который в таких случаях духовные писатели приписывают своим героям. Воодушевляя своих дружинников, Юрий призывает их постоять «за святая божиа церквы и за веру христианскую», «смертию живота (т. е. загробную жизнь, — И. Б.) купити» и т. д. Неоднократно подчеркивается, что все беды, обрушившиеся на Русскую землю, посланы богом за грехи. В полном противоречии с общим духом Повести высказывается мысль об обреченности рязанской дружины, несмотря на все ее мужество, ибо «противу гневу божию хто постоит!» Позднейшим переписчиком²² сделана вставка, что вместе с великой княгиней Агриппиной мученически погибли епископ и «священнический чин».

С другой стороны, в Повести нашла отражение идеология «господства рязанского», «удальцов и рязанцев рязанских», т. е. рыцарские умонастроения. Только при описании осады Рязани рассказывается о мужестве и стойкости обыкновенных горожан, во всех же остальных случаях храбрость проявляет исключительно княжеская дружина. Именно к ней обращается великий князь Юрий Ингоревич, называя ее: «господня и братиа моя», «братие моя милая и дружина ласкова», «узорочье и воспитание резанское». Особенно много рыцарских мотивов в эпизоде с Евпатием Коловратом. По тексту некоторых списков он и погнался за Батыем из чисто рыцарских побуждений, «хотяше пити смертную чашу с своими

²⁰ Арс. Кадлубовский. Очерки... стр. 54.

²¹ Повесть издана Д. С. Лихачевым в публикации «Повести о Николе Зараском» (ТОДРА, т. VII М.—Л., 1949, стр. 257—406), где воспроизведены все редакции Повести о Николе Зараском (составной частью которой является «Повесть о разорении Рязани Батыем») почти по всем известным спискам. До сих пор в литературе обычно пользовались «сводным текстом» И. И. Срезневского (Сведения и заметки о малоизвестных памятниках, вып. 4. СПб., 1867, стр. 77—94), представляющим контаминацию нескольких списков и даже редакций, возникших в разное время. Приводимые ниже цитаты взяты из так называемой «Основной редакции А», являющейся, по-видимому, самой старшей (см.: В. Л. Комарович. К литературной истории Повести о Николе Зараском — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 68). Д. С. Лихачев отмечает, что «в цикле повестей о Николе Зараском, несомненно, чувствуется древняя, весьма близкая по времени возникновения к изображаемым событиям основа» (ТОДРА, т. VII, стр. 260).

²² Так считает И. И. Срезневский (Сведения... стр. 85), ибо из летописи известно, что епископа рязанского «ублюде бог».

государьми равно». С чисто рыцарским уважением относятся татары к своим храбрым противникам, не переставая «дивиться храбрости и крепости и мужеству рязанскому господству». Из уважения к храбрости Евпатия Батый приказывает отдать его тело оставшейся Евпатиевой дружине и отпустить на волю пленных, не причинив им никакого зла.

Надо, однако, подчеркнуть, что почти все отмеченные моменты религиозного и рыцарского порядка (за исключением, пожалуй, эпизода с Евпатием Коловратом) носят характер искусственной и механической пристройки, нисколько не нарушая и не колебля общей идейной направленности этого замечательного произведения. Выше уже отмечалось, что оно пронизано чувством народного достоинства. Это чувство проявляют и князья, и дружинники, и простые граждане, и пленные. Хотя Юрий Ингорович прилагает все силы, чтобы отвратить страшную беду от Рязанской земли, и направляет послов к Батыю, он, однако, не трепещет перед ханом, не стремится договориться с ним во что бы то ни стало, хотя бы ценой унижения и пресмыкательства. Так же ведет себя в стане Батия князь Федор Юрьевич, предпочитающий смерть позору. Когда посольство провалилось и Батый в полной мере обнаруживает свое коварство, князья рязанские не боятся вступить в бой с превосходящими силами неприятеля. Юрий Ингорович предпочитает погибнуть, чем быть «в поганой воли».

Все русские люди до конца выполняют свой долг и в плен попадают только изнемогши от «великих ран». Но и они предпочитают пытки и смерть всякому соглашению и примирению с недругом. Удальцы Евпатия, нисколько не стесняясь «сила царя», с великолепной иронией говорят Батыю, что они посланы его «почтити и честно проводить».

По летописным данным, князь рязанский Олег Игоревич был взят Батыем в плен и вернулся в Рязань спустя 14 лет, сделавшись после Ингвара князем рязанским.²³ Но в Повести он держит себя так же безупречно, как и остальные пленные. Его зверски истязают, разрезают ножом на части, но он не предается «прелести» Батия и высоко держит знамя своей более высокой культуры, «укоряя» Батия и «нарекая» его безбожным царем. Так в представлении народа должны были себя держать князья...

Не в пример северо-восточным летописным сводам первых десятилетий татарского ига Повесть о разорении Рязани Батыем подчеркивает вероломство («лесь») татар и подробно описывает ужасы татарского нашествия. Как ни осложнен эпизод с Евпатием Коловратом рыцарскими мотивами, весь он дышит мстостью за опустошение земли, за разорение городов, за гибель людей. Но это не бесплодная месть, которая единственная только остается на долю отчаявшихся людей, месть, за которою следует конечная гибель. Своей гибелью Евпатий Коловрат не ослабляет сил родной земли. Напротив, его подвиг, продиктованный непримиримостью к врагу и чувством мести, наводит страх на татар и служит как бы предостережением о неиссякаемой силе Руси, где и мертвые могут воскреснуть, чтобы биться с недругом. Евпатий Коловрат и его дружинники, «честно проводив» Батия, как бы заслоняют своими трупами Рязанскую землю и дают возможность вернуться туда князю Ингварю обновить разоренный край, собирать людей и «утешить пришельцев».

Таков смысл этой Повести, где воспевается гнев народа и его великий ратный подвиг, где в противовес пресмыкательству и угодничеству перед завоевателями провозглашается всепобеждающая сила непримиримой ненависти к врагу, не знающей никаких компромиссов.

²³ И. И. Срезневский. Сведения... стр. 92.